

РОЛЬ МИФОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.Е. Шабанова

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Шабанова А.Е., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-3-27-31

Аннотация. В статье рассмотрена роль мифа как инструмента конструирования национальной идентичности. Автор отталкивается от понимания мифа не как ложного утверждения, а как смыслового каркаса, связывающего «подходящее прошлое» с правдоподобным будущим. Выделены универсальные механизмы мифологизации: сакрализация пространства и времени, персонификация нации, эмоциональное заражение, легитимация настоящего через прошлое и мутация при сохранении смыслового ядра. Сделан вывод, что в XXI веке национальная идентичность продолжает строиться по законам мифа.

Ключевые слова: национальная идентичность, миф, конструирование идентичности, историческая память, воображаемое сообщество.

Национальная идентичность крайне редко строится только на исторических фактах, поскольку история в чистом виде для этой роли используется лишь эпизодически. Основным инструментом конструирования идентичности становится миф, прошедший процедуры селекции и реинтерпретации, в ходе которых из массива событий отбираются лишь те, что подтверждают нужный образ, а сами события наделяются символическим смыслом. «Миф не является синонимом лжи или фальсификации. Миф – это форма коллективной исторической памяти, передающаяся через социальные группы, обеспечивающая соединение "подходящего прошлого" с правдоподобным будущим и нацеленная на то, чтобы придать значимость миру, в котором живет человек» [1, с. 14]. Национальный миф, таким образом, представляет собой не ложь и не заблуждение, а идейный каркас нации, призванный дать ответы на экзистенциальные вопросы о происхождении, предназначении и уникальности данного сообщества, превращая историю из хроники фактов в священное и эмоционально переживаемое повествование.

Классическим примером превращения военного поражения в национальный миф служит австралийский Галлиполийский нарратив, когда высадка австралийско-новозеландского армейского корпуса (АНЗАК) на турецком полуострове в 1915 году, обернувшаяся тактическим разгромом и гибелью одиннадцати тысяч солдат АНЗАК, была переосмыслена не как провал британского командования, а как триумф национального духа и «крещение кровью» молодой нации. В центре этого мифа находится образ «типичного австралийца» – ироничного, храброго, презирующего чопорность метрополии и бесконечно преданного побратиму, причем ежегодное ритуализированное переживание событий в День АНЗАК с рассветными службами и игрой *The Last Post* превращает историческую неудачу в момент основания нации, доказывающий миру доблесть бывшей колонии. Принципиально важно, что нация здесь

рождается не в победе, а в добровольной жертве, и именно этот паттерн впоследствии многократно воспроизводится в национальных мифологиях других стран [9].

Совершенно иной механизм конструирования идентичности демонстрирует вьетнамский миф о Лак Лонг Куане (Владыке Драконов) и горной фее Ау Ко, чей сакральный брак привел к рождению ста сыновей, половина из которых ушла с отцом к морю, а половина осталась с матерью в горах, причем старший сын стал первым королем Хунгом – основателем государства и династии. Данный миф выполняет важнейшую функцию горизонтальной интеграции полиэтнического и географически разнородного общества, поскольку Дракон символизирует водную стихию, морское побережье и рисовые дельты, а фея – горы и леса, и их союз легитимирует единство различных регионов и этнических групп в составе единой вьетнамской цивилизации. Цифры в этом мифологическом повествовании – сто сыновей, сто яиц, сто дней правления – являются не историческими ошибками или наивным преувеличением, а культурными метафорами полноты и множественности в единстве. Сегодня День поминовения королей Хунг остается государственным праздником, что опровергает представление о мифе как о «выдумке» и подтверждает его статус интеллектуальной традиции осознания государственности [7].

Швейцария, казалось бы, являет собой образец нации, сформированной не по этническому, а по политическому принципу: четыре языка, множество кантонов, прагматичный федерализм. Однако и здесь обнаруживается устойчивый национальный миф о Вильгельме Телле, метком стрелке, отказавшемся кланяться шляпе австрийского наместника и спасшем страну от тирании. Современные историки не находят убедительных доказательств историчности Вильгельма Телля, однако фиаско позитивистской верификации несколько не ослабляет функционирование мифа, поскольку его задача состоит не в документировании прошлого, а в символизации союза кантонов и репрезентации швейцарской независимости и человеческого достоинства. Драма Фридриха Шиллера и опера Джоаккино Россини «законсервировали» этот миф, превратив его в культурный бренд и матрицу национального самовосприятия, что убедительно доказывает: нация может прекрасно существовать и без «подлинного» Вильгельма Телля, но она немыслима без веры в него [5]. Швейцарский случай показателен не только силой мифа, но и механизмом его закрепления. То, что начиналось как фольклорный сюжет, благодаря драме Шиллера и опере Россини превратилось в конструкт национальной культуры. Переход мифа из стихийной народной памяти в сферу профессиональной культуры не означает его фальсификации, но предполагает сознательную селекцию и шлифовку образов, отвечающих задачам национального строительства. «Мифотворчество из бессознательного превращается в контролируемый процесс» [3, с. 71]: сегодня оно осознанно управляется элитами, тиражируется через искусство и школьные учебники, актуализируется и интерпретируется в зависимости от политической повестки, однако ядро мифа – вера в независимость и доблесть – остается подлинной основой коллективной идентичности.

Сравнительный анализ зооморфных мифологий Восточной Азии обнаруживает поразительное разнообразие при единстве функции: китайский культурный герой Фу Си изображается получеловеком-полузмеей, что символизирует единство инь и ян и переход от охоты к земледелию; корейский Тангун является сыном Небесного Владыки и женщины, произошедшей от медведицы, что фиксирует связь сакрального и земного начал; вьетнамская пара Дракона и Феи, как уже отмечалось, кодирует единство водной и горной стихий. Во всех этих случаях зооморфность и «фантастичность» предков выступает не как недостаток или признак примитивности мышления, а как мощная

символическая емкость, поскольку образ чудесного рождения от женщины-медведицы или существа с телом змеи и головой человека легко запоминается, эмоционально заряжен и способен передаваться через тысячелетия без искажения ядерного смысла. Важно подчеркнуть, что эти мифы фиксируют не столько момент этногенеза в биологическом смысле, сколько момент рождения цивилизации – появление земледелия, письменности, государственности – и тем самым утверждают культурный суверенитет нации [7].

Локальные этнические мифологии коренных народов России, в частности хакасские космогонические сказания о сотворении мира и духах гор и воды, выполняют функцию не столько развлечения или просвещения, сколько этнических маркеров. Согласно одному из преданий, землю со дна океана доставала гагара; Эрлик-хан и Хан-Тигир спорили за власть над миром; горные духи (таг ээзи) до сих пор считаются покровителями родов и промыслов. Эти мифы – не просто развлечение или «наивное» объяснение природы. Они задают уникальную сетку координат: нормы отношения к природе, старшим, смерти и традиции [6]. Утрата мифологической модели мира в процессе глобализации и унификации культуры ведет к неизбежному размыванию этнической самоидентификации, поскольку именно миф (а не статистический отчет или этнографическая монография) формирует поведенческую матрицу и эмоциональную связь с предками. В условиях глобализации молодежь Хакасии, забывая эти сказания, теряет связь с родовыми угодьями, что ведет к ассимиляции. Это подтверждает универсальный закон: миф функционирует как код, без которого невозможна дешифровка культурного текста нации. Разрушение устоявшихся основ государственной и личностной самоидентификации в условиях несформированной адекватной замены привычных мировоззренческих принципов приводит к мифологизации и некритическому заимствованию чужого опыта, что становится причиной потери субъектности или воспроизводства устаревших и даже архаических мифов собственной государственности [2, с. 77]. Обобщая рассмотренные примеры, можно выделить несколько универсальных механизмов использования мифологии для конструирования национальной идентичности, которые воспроизводятся в различных культурах и исторических периодах с удивительным постоянством.

Первым таким механизмом выступает сакрализация пространства и времени, когда конкретные географические точки – полуостров Галлиполи, Холм Тары, гора, где жила фея Ау Ко, – наделяются статусом священной истории, качественно отличной от профанной повседневности и открытой для паломничества и ритуального переживания.

Вторым механизмом является персонификация нации, когда абстрактные понятия «австралийцы», «вьетнамцы» воплощаются в конкретных узнаваемых героях (Вильгельме Телле, солдате АНЗАК, королях Хунг), поскольку человеческому сознанию несравненно легче идентифицировать себя с человеком, нежели с исторической закономерностью или политической программой.

Третьим и, вероятно, важнейшим механизмом выступает эмоциональное заражение, ибо миф апеллирует не к логике и фактам, подлежащим проверке, а к чувствам – гордости, боли утраты, сопричастности великому, чувству долга перед павшими. В этом заключается секрет его устойчивости к любой научной критике и исторической фальсификации.

Четвертый механизм заключается в легитимации настоящего через прошлое, когда современные политические границы, конституционные нормы, территориальные притязания или властная конфигурация получают высшую санкцию «завета предков» и «тысячелетней традиции», что делает их не предметом дискуссии, а объектом веры.

Наконец, пятым свойством политической мифологии является ее способность к мутации при сохранении ядра. Сегодняшний День АНЗАК в Австралии, включающий критику милитаризма, радикально отличается от коммеморативных практик 1920-х годов, однако образ «хорошего австралийца», прошедшего испытание огнем и оставшегося человеком, остается незбылемым и транслируется новым поколениям. «Миф способен предоставить простые и понятные объяснения сложных политических процессов, облегчая восприятие реальности и создавая ощущение общности» [8, с. 108]. Современное информационное общество, вопреки просвещенческим ожиданиям, не упразднило национальную мифологию, но создало новые каналы ее трансляции и формы репрезентации, включая интернет-мемы, которые могут как высмеивать официальные мифологемы, так и создавать новые, альтернативные нарративы.

Таким образом, национальная идентичность в XXI веке, несмотря на беспрецедентный доступ к историческим источникам и торжество научной методологии, продолжает строиться по законам мифа. Экзистенциальная потребность человека и человеческих коллективов в чудесном и героическом происхождении, в сакральном родоначальнике и великой миссии оказывается сильнее любых доказательств неисторичности Вильгельма Телля или военной несостоятельности Галлиполиийской операции. Нация, как справедливо определил ее Бенедикт Андерсон, является воображаемым сообществом [4]. Миф служит тем инструментом, с помощью которого это воображение становится не индивидуальной фантазией, а коллективной реальностью, обязательной для всех членов сообщества и передаваемой из поколения в поколение в форме школьных учебников, национальных праздников, архитектуры общественных зданий и тихих семейных рассказов. Изучение национальных мифологий, следовательно, есть не разоблачение «фальшивок» и не охота на исторические неточности, а реконструкция того смыслового универсума, в котором нация живет, дышит и осознает себя во времени и пространстве.

Библиографический список

1. Аршин К.В. Германский миф против Кельтского мифа: к вопросу об одном аспекте европейского нациостроительства // *Logos et Praxis*. 2025. Т. 24. № 2. С. 13–21.
2. Бакаев Д.А., Ольхин Г.С. Мифогенные факторы формирования смыслового пространства культуры и общества // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 6. С. 75–78.
3. Батарон Т.В. Универсальный характер мифомышления как основа эволюции мифа: от классического сказания к современным целенаправленно создаваемым социальным мифосистемам // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. 2024. № 4. С. 69–73.
4. Господарик П.В., Мацкевич М.Ю., Лойко А.И. Что такое нация и как она появилась. Теория Бенедикта Андерсона // *Философия мира и созидания: сборник материалов международных круглых столов*, Минск, 18–20 апреля 2023 года. Минск: Белорусский национальный технический университет, 2023. С. 63–68.
5. Зазнаев О.И., Кузнецов Я.П. Мифотворчество как фактор формирования швейцарской национальной идентичности // *LII Огаревские чтения: материалы научной конференции: в 3 ч. / отв. за вып. А.М. Давыдкин*. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. Ч. 3. С. 153–158.
6. Орешкова Ю.А. Феномен традиционного мифа в контексте самоидентификации этноса // *Исторические, философские, политические и юридические науки*,

- культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5-1 (11). С. 153–156.
7. От основателя нации до символа национального единства // Nghe An Newspaper. URL: <https://baonghean.vn/ru/tu-nguoi-sang-lap-quoc-gia-den-bieu-tuong-doan-ket-toan-dan-toc-10294600.html> (дата обращения: 02.01.2026).
8. Романцова М.А. Миф как средство политического манипулирования // Политологические записки. 2025. № 1 (1). С. 104–112.
9. Vizard S. Myths of Nations // Pursuit. The University of Melbourne, 2025. URL: <https://pursuit.unimelb.edu.au/articles/myths-of-nations> (дата обращения: 02.02.2026).

THE ROLE OF MYTHOLOGY IN THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

A.E. Shabanova

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *The article examines the role of myth as a tool for constructing national identity. The author proceeds from the understanding of myth not as a false statement, but as a semantic framework connecting a "suitable past" with a plausible future. Universal mechanisms of mythologization are identified: sacralization of space and time, personification of the nation, emotional contagion, legitimation of the present through the past, and mutation while preserving the semantic core. It is concluded that in the 21st century, national identity continues to be constructed according to the laws of myth.*

Keywords: *national identity, myth, identity construction, historical memory, imagined community.*

Об авторе:

ШАБАНОВА Анна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: anya222@mail.ru

About the author:

SHABANOVA Anna Evgenievna – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: anya222@mail.ru